

Литература:

1) Barker M. J. Experience and experimentation : The meaning of experimentum in Aquinas / Mark J. Barker // The Thomist. – 2012. – V. 76. – № 1. – P. 37–71.

2) Thomas de Aquino. Quaestiones disputatae de anima / Sancti Thomae de Aquino Opera omnia iussu Leonis XIII P. M. edita. – Roma : Commissio Leonina, Editions Du Cerf, 1996. – Т. 24/1. – P. 131–157.

3) Thomas de Aquino. Quaestiones disputatae de veritate. Quaestiones 1-7 / Sancti Thomae de Aquino Opera omnia iussu Leonis XIII P. M. edita. – R.: Ad Sanctae Sabinae, 1970. – Т. 22/1(2). – XVI, 213 p.

4) Thomas de Aquino. Summa theologiae cum commentariis Thomae de Vio Caietani. Prima pars / Sancti Thomae de Aquino Opera omnia iussu Leonis XIII P. M. edita. – Roma : ex typographia Polyglotta, 1888. – Т. 4. – 509 p.

Парадоксальный религиозно-философский опыт у Н. Бердяева и Л. Шестова

Андрей Коробов-Латынцев

Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия)

1. Взгляды на религиозно-философский опыт у Николая Бердяева и Льва Шестова имеют схожие черты, различаясь при этом в самых главных выводах. По терминологии А. Бродского, Бердяев определяется как мыслитель идеологист, т.е. для него мир есть отражение идей, и несовершенство мира связано с оторванностью его от идей. Идеологизм ориентируется на творчество и деятельность. Шестов же по этой классификации оказывается онтологистом, и для него идеи содержатся в вещах и составляют их внутренний принцип, а несовершенство мира – в нашем незнании истин вещей. Онтологизм, соответственно, ориентируется на понимание, созерцание [Бродский 1999, с. 152].

2. Религиозно-философский опыт Бердяева можно определить как гностический. Так его называет сам Бердяев, и так его характеризует Лев Шестов. Бердяев пишет о свободе и творчестве, которых ждет

от человека Творец, поскольку Сам Он не всемогущ в мире объектов. Свободное творчество, теургия – основная мысль философии Бердяева. Для обоснования теургии Бердяев строит проект объединения веры и знания, которое и будет «гнозисом»: «Только из соединения религиозного опыта с высшим философским знанием может родиться истинный гнозис» [Бердяев 1993, с. 228]. У Шестова встречаем критику бердяевского гнозиса: «Если вы спросите Бердяева, откуда ему все это известно, он спокойно сошлется вам на гнозис: все это ему известно из опыта, правда, не природного, а «духовного». [...] Но разве опыт дает «знание»?» [Шестов].

3. Опыт Шестова можно охарактеризовать как ветхозаветный экзистенциализм. Философ обращается к религиозному опыту Авраама (приношение в жертву сына) и пытается писать его со стороны философии. В итоге все же рассмотрение этого абсурдного опыта (терминология Шестова) Авраама также дает Шестову некое знание, попытки выразить которое Шестов дает во многих своих книгах. Однако здесь действует принцип, который заметил Бердяев: объективация какой-либо истины ведет к её извращению, поэтому Шестов остается сам в сфере гнозиса как опыта. Этот гнозис заключается в указании на некий высший религиозный опыт, который недоступен проговариванию.

4. И опыт Шестова, и Опыт Бердяева не укладываются в чисто конфессиональную систему. Притом, если Шестов всегда позиционировал себя как внеконфессионального мыслителя, то Бердяев позиционировал себя как православного философа. Более того, опыт Шестова и опыт Бердяева не укладываются также и в философские направления, к которым их стараются приписать. Бердяева хотя и можно формально отнести к идеологистам, тем не менее, среди мыслителей идеологистов он стоит особняком, поскольку считал, что осуществление идей (объективация на языке Бердяева) приводит к их искажению. Точно так же и Шестов, которого мы формально относим к онтологизму, очень выделяется среди мыслителей подобного типа: он убежден, что любое познание истины делает человека рабом знания.

5. И Бердяев, и Шестов считают идеологизм и онтологизм рабством, поскольку эти направления так или иначе заставляют человека считаться с тем, что создано не им и без него. Свой философский опыт неуживчивости в пределах философских направлений оба

мыслителя углубляют посредством особой трактовки христианской веры. Бердяев разрабатывает учение о спасении через творчество (статья Бердяева «Спасение и творчество: два понимания христианства»). Шестов же обращается к частному мыслителю Иову и тем философам, для которых проблематика веры была наиболее важна (Лютер, Паскаль, Кьеркегор, Достоевский).

6. На примере философских выводов Бердяева и Шестова, а также, что немаловажно, на примере их личных взаимоотношений (крепкой дружбы), можно утверждать с долей некоторой философской дерзости о коренной взаимосвязи гнозиса и веры как двух типов религиозно-философского опыта. От гностического прозрения отсутствия (или бессилия) Бога в мире (опыт Маркиона, гностиков, Ивана Карамазова) до неистовой и безграничной веры во всемогущество Бога (опыт Авраама, Иова, Кьеркегора) один шаг; шаг этот до конца не продельвают ни Шестов, ни Бердяев, хотя оба они напрямую подступают к границам философских позиций друг друга.

Литература:

1) Бердяев Н.А. О новом религиозном сознании / Бердяев Н.А. О русских классиках; [сост. и коммент. А.С. Гришина; вступ. ст. К.Г. Исупова]. – М., 1993. – 464 с.

2) Бродский А.И. В поисках действенного этоса : Обоснование морали в русской этической мысли XIX века / А.И. Бродский. – СПб. : Изд-во С.-Петербургского университета, 1999. – 152 с.

3) Шестов Л. Гнозис и экзистенциальная философия / Лев Шестов. – Режим доступа:

<http://www.magister.msk.ru/library/philos/shestov/shest06.htm>. – [Название с экрана].